

Без прикрас и лакировок

В. Кокин выстает не с первой книгой О. Тургенев. Год два назад был опубликован интересный сборник его сочинений «Солдаты и офицеры».

Несомненным достижением автора является точное предвидение некоего сложившегося графа. Кокин отнюдь не принадлежит к числу «страстных» литераторов, ноходы пишущих обо всем и о всех, славящихся свое «любовью» к историческим и политическим выдумкам и в известной мере неуклюжими статистическими выкладками. Недаром подобный рода писания вывалили с полки в нарекания и отпор со стороны наших товарищей из Средней Азии. Кокин в своей книге и рассказывает о Туркестане в целом. Он сосредоточивает все свое внимание на одном определенном районе, подробно о нем повествует. Автор с большим знанием дела и не меньшей любовью описывает ту струю из далекой туркестанской окраины, в которой он сам принимал непосредственное участие.

Очерки Кокина, удачно художественно оформленные, насыщены богатым фактическим материалом. Но эта документальная органика вписана в контекст, выходящий наружу и не перегружая вложения.

Кокин, как мы уже сказали, берет за основу определенный участок Туркестанской республики и здесь старается проанализировать то грандиозное социальное строительство, которое меняет лицо страны. В далеком пограничном районе, в знаменитой Гусине, Кокин в своей книге и рассказывает о передвижении захватчиков, полководца паризма, строителя теперь огромных союзко-комбинат. С большим напряжением, преодолевая препятствия и трудности, ведется неустанная повседневная работа. Кокин в своей книге и рассказывает без всяких прикрас и лакировок об отдельных моментах этой стройки, о всех ее перипетиях, осложнениях, об успешном преодолении препятствий в несомненных достижениях. Автор

говорит о том, как кладется на то, что было вначале в искусственном, как ведутся взрывные работы на большом карьерном фронте. Кокин в своей книге и рассказывает о том, как создается орудие стада совхоза, в каких условиях проводится разведывательная изыскания геологов.

В. Кокин совершенно правильно отмечает ту большую роль, которую играют в новом строительстве на окраинах наши пограничные посты. Он прекрасно подмечает большую культурную роль Красной армии, ее участие в проведении лесной национальной политики. Видно в нем прав кукинский помощник комманданта, горюющий: «Первый колхоз джамидов. Ведет оседлый образ жизни. Занимается земледелием и скотоводством. Имеет европейский инвентарь. Наши подшефники, как солдаты, на постах радио. Рабы в Афганистане, на советской территории они по-прежнему члены хозяйства с высшей формой организации труда и быта. Неудивительно сказать: «Да, действительно. Джамиды, как солдаты, к оседлости хазарейки и бездумнее—это не крупнейшее достижение советского национального строительства!»

Раскачанная о строительстве, Кокин не забывает и строителя. Он выводит целую галерею живых людей со всеми их достоинствами и недостатками. «Комбинат страны Бахдур»,— пишет он,— является комбинацией множества людей. Здесь были: изыскательная пестрота возрений, беспоконное многообразие чувств, воинственная разорительность целей и желаний. Здесь были живые люди и в упрямых страстях, грубом приходе, нечестивых предвзвешиваниях, великими идеями, ослепительными мечтами, противоречивыми стремлениями, немалыми надеждами, люди-большевики и люди-одиночки, вдохновенные заведующие волей к труду, и минимые великие люди разного масштаба и происхождения. Джамиды в бесконечный комбинат, за жизнь, которая должна расцвести на песках Бахдуря. Второе—это блестящая и обманчивую скорлупу своего тела».

Очерки выдержаны в тонях художественного реализма, чуждым какому-либо «шлету» («эпохи»). Некоторым исполнением для автора является очерк «Тагир и Зейнеп», где описывается разгромная джамиды. Шлохов на песках, Кокин красочно описывает знаменательное и яркое зрелище, не отступая от своей обычной манеры письма.

Отметим в заключение, что очерки Кокина— в первую очередь «Вокз»,—переводятся на туркестанский язык.

Женщина на войне

Года два назад в германской буржуазной прессе прошумел роман, переведенный на множество языков. Это роман сестры милосердия «Катерина» ставленец солдата. «Ремарк в юбке» — так почти единодушно назвали сочинительницу этого романа немецкие критики. Читатель сам себе объяснит успех на Западе этого романа, особенно достоинствами не отличающегося. Выдающийся ремаркинет новый форм и путей своего проявления? Вот почему для идеализации и подслащивания общего облика империалистической войны мобилизуются женщины преимущественно сестры милосердия, выступающие с длинными мемуарами.

Знакомство с этой чрезвычайно обширной литературой об империалистической войне, где женщина выступает как центральная персона, заставляет особенно чувствую то пробел, который до сих пор мы имеем в нашей литературе на тему гражданской войны. Тем с большим удовольствием встретилась повесть в МТП книги Л. Аргутинской «Огненный путь», где на авторском образном, ясном, вневременном материале, на антопологическом материале разрабатывается эта тема.

Никакой сюжетно-интригой интриги в повести не встретится. Не об интригах сестры милосердия и солдатки и офицерам идет речь. Это классический мотив с особой полнотой, охватывающей русскую буржуазную военную беллетристику 14—18 годов, повесть о героине Л. Аргутинской, Горького более серьезная тема сразу увлекает читателя, не склонного обманываться дешевой фабульной интригой.

Немало сестер милосердия пережило империалистическую войну в гражданской, и в сравнительном опыте познания героической истории и ее истинные отличия героической войны от войны империализма, стали коммунистами. Путь к коммунизму сложился отнюдь не без борьбы. Путь к коммунизму сложился отнюдь не без борьбы. Путь к коммунизму сложился отнюдь не без борьбы.

И. БОГОДИН.

Уголок из жизни Головой упираюсь в солнце

— Что мы называем славой, товарищи? Славой, товарищи, мы называем яркую заплату, каковая имеется на ветхом рубище певца.

(Из наследия классиков).

По некоторым признакам можно было судить, что надвигаются события. Выразился языком оборотной литературы, в воздухе пахло порохом (сделаем уступку забавке Вишневскому — пахло бездымным порохом). Выразился совсем уж точно — пахло скандалом. В общем, добром это кончиться не могло. Жертва сошла. Все это знали, но никто не решался первым заявить над ней пылающий меч здоровья критики.

Был правда, случай. Инцидент. На каком-то товарищеском чае какой-то писатель выкрикнул какую-то фразу. И этому не придали значения, притворились, что ничего не произошло. Кстати, эретики немедленно после этого засну, положив голову на плечо тамыды из оргкомитета.

Между тем, слава писателя Оловянского росла. Девушки прогудывали в садах, шептались его имя. Издали тоже любили его.

А что может быть упоминательной первой любви издателя! Ничего, мистические государины, не может быть упоминательной! Тут все — и массовое издание, и не массовое издание, и супер-дешевое издание, и, напротив, супер-дорогое в супер-обложке и супер-картонном ярдере с джематровыми тугонками и изюмами. Один из словечек не жилось в бывшая масленница. Критики ничем не поспекали Оловянского. Им все нравилось в его сочинениях, и об этом «ни говорили часто, скудно и громко.

Итак Оловянский находился на вершине славы. Он упирался головой в солнце. И неизвестно, сколько еще времени продолжалось бы это сидение на высотах, если бы не послышалось ворчанье из литературного коридора.

Надо объяснить, что такое коридорное мнение. Коридор — это улица, и дома, и в цыганском доме, где встречаются и разговаривают между собой писатели. Мы любим литературные трафареты до сих пор считаем, что коридорная болтовня — это «то нехорошее, мешанское, сплетни, враки, что если говорить, то уж обязательно речь, и обязательно большую, и обязательно с кафедрой, и обязательно с последующей правкой стенограммы («Уважаемый товарищ редактор. Некий горе-критик удосужился выхватить из моей неправленной стенограммы... это вздумать... и протесту...»). Это надоело и это неверно. Нельзя из-за каждого слова взгромоздиться на кафедру или возить за собой на извозчике железную выкачку какой-нибудь служебке.

Так продолжилась только римские консулы. Советским писателям неудобно так жить. К тому же в коридорных разговорах нет никакой литературной нечеловечности. Коридор истинно и иногда обгоняет кафедру. И покуда на кафедре лезет вальдургиев юбилей в честь чьих-то шестилетних трудов на изыщной ниве литературы, в коридоре уже все известно — и юбилей не надо было, и труды не бог весть какие, и юбиляру самое время начать изучение языка, как-то у него наравне с содержанием весьма и весьма хромает.

К коридору надо прислушиваться. В коридоре дует сильный ветер. Там, как самолеты в аэродинамической трубе ЦАГИ, испытываются писатели, проверяется их стиль, идеяность, дарование. Уже если тут воздушным потоком оторвал крыло, ничто не пометет,— этот писатель летать не будет. Ему надо менять конструкцию. Он не выдержал испытания. Жизнь он будет, но петь — никогда, как говорят в народе.

Итак, девушка прогудывала в садах, нежно интриговала Оловянского. А в это время в литературный коридор вышел бледный и встревоженный человек: — Что с вами, молодой стилист? — спросил его писатель.

— Я всю ночь читал Оловянского. — И что же? — Плохо. — Нет. Вам нельзя верить. Вы у себя в хедере имени Марселя Пруста считаете, что все плохо пишут. — Да нет, уверю вас. Это очень слабо. Просто скверно написано.

— Быть этого не может. Оловянский — знаменитый писатель. Его все хвалят и гладят. — А вы его читали? Ну, так прочтите. Тогда и будете говорить. Оловянского прочли. До сих пор не читали, верили на слово, что у него все в порядке. Лучше бы уж молодой человек из хедера имени Марселя Пруста никогда не приходил в коридор. Оловянского втянуло в испытательную аэродинамическую трубу. И сразу же лопнул его сюжетные тяги, развалились композиционные скрепления, посыпались чорту части, детали, метафоры и кавычки. И все увидели, что эта машина летать не может.

Кафедра по инерции еще серенадила под балконом прозвона, но вскоре в расстройстве замолчала. Умолкли критические бандуры и мандолины, после чего в наступившей тишине литературная общественность истинно услышала тонкий, леденящий душу свист. Это летела первая ласточка. В клонве она неслась слякуче, где творчество Оловянского погтергалось всемирному и чрезвычайно обидному рассмотрению. За ласточкой с отчаянным гулом летели трехмоторные критические кондоры. И каждый кондор держал в клюве статью, и все статьи были ужасные как справедливые и обидные.

Оловянский замесался. Он привик к славе и совсем забыл про открытый, прямолинейный коридор. Он ничего не понимал. Еще несколько дней назад кондоры и ласточки любовно парили над ним, сбрасывая на его голову экспортные тюльпаны и даже целые венки. Ах, лавровый запах славы, запах супа и маринированной рыбы!

Гром похвал утих так неожиданно, что захотелось кричать «караул», захотелось победить в миллион жаловаться, захотелось биться за свою мягкую койку на парнасе. — Нет, тут какая-то ошибка, — думал поверженный автор, — они не имеют права. Я буду судиться.

Он почему-то считал, что против него ведется тайная интрига, и обрадовался к организации и отдельным лицам с просьбой сказать ему законное содействие, в общем плане восстановить славу по знакомству. — Это что ж такое? — говорила он негодуящая. — Безобразия. Сегодня обо мне сказали, что я напи-

сал посредственную книгу, а завтра и до Кириона доберется. Таких критиков надо просто снимать. — Как это снимать? — удивилось отдельное лицо. — Ну, я не знаю... С занимаемых должностей, что ли.

— Да, но ведь тут, так сказать, критическая мысль... Человеку не критически, что я могу сделать. — Вы все можете сделать. Честное слово. Телефон вы мне в два дня поставили, а какого-то критика не можете снять. Снимите. Ну, пожалуйста.

— А вдруг ваша книга действительна, не сонсем. — Нет, именно совсем. Девушки прогудывали в садах, шепта мое имя. — Девушек легко обмануть. Чья только имена, скорослопе вошедшие в школьные программы, они ни шептали К тому же, теперь в школе строго, пятнадцатая система. Поневале зашпечит.

— Может быть, все-таки хоть какие-нибудь репрессии. Хоть немножко. А? Для порядка. — Нет, товарищ, — грустно сказала отдельное лицо. — Лучше в вам еще один телефончик поставлю. — А может все-таки лучше репрессии? — Нет, лучше телефончик.

От Оловянского отвернулись даже знакомые. А критические кондоры перешли на брющий полст и полосопали его длиннющими и злоющими статьями. И уже где-то на диспуте Оловянского стали добывать в порядке регламента: докладчику на побегине автора камнями и цитатами— полчас, выступающим в прениях, на осмысление автора мусором и утильсырем — по пяти минут на человека.

Начинался перегиб. Что же после этого, товарищи, мы условно назовем славой? Не будем, товарищи, превеличивать. Славой, товарищи, мы называем яркую, так сказать, заплату на ветхом рубище певца, товарищи. Не болше. Так сказал, так сказать, Пушкин. И это все о славе. Не будем превеличивать.

ХОЛОДНЫЙ ФИЛОСОФ.

ИЛЬЯ СЕЛЖВИНСКИЙ АФОРИЗМЫ

- 1 Если в бою споткнешся о камень, Используй его как упор для ружья.
- 2 Диалектика труса подобна мешанской маме: Что бы сынок ни сделал — все хорошо.
- 3 Для бизнесмена время — деньги, Для нас время — оружие.
- 4 Тигр — это молния в кожаных ножках.
- 5 Дети думают, что контрабас Грандиознее первой скрипки.

ОТСТУПЛЕНИЕ от „Перекопа“

Когда читается повесть П. Ипполитова о гражданской войне (Товарищи петроградцы), в памяти ярче встает П. Ипполитов.

Ипполитов рассказывает о том, как отряд петроградских рабочих, полных нежности к классовому врагу, но неуемных воевать, неинтегрированных, изгоняемых из отрядов, отправленных в Сибирь на Урал, борются с белогвардейцами. В отряде петроградцев постепенно приобретает военный опыт и стойкость в бою, укрепляют дисциплину, получают опыт воевать в разрыве с партией, участв в отряде. На примере отряда «Товарищи петроградцы» читатель видит, как ковалась постепенно регулярная Красная армия.

Повесть П. Ипполитова поражает прежде всего глубиной проницательности. Именно это бесстрашие проницательности ставляет внутренний пафос произведения, придает ему своеобразную окраску. Ипполитов не боится показать трусость петроградцев в первых боях, животный страх в первом крупном сражении, не дисциплинированность, недостаточную озабоченность в некоторых вопросах (например, отношение к б. офицерам, привлечению на службу в Красную армию). Тем убедительнее становится деятельность героев, настоящая классовая солидарность, которые видяют все же определяющими моментами для отряда «Товарищи петроградцы».

В стремлении к сугубой правдивости автор сугубой правдивости, повесть носит автобиографический характер.

Нужно сказать, что курс на правдивость в отношении себя самого нередко переходит у автора в свою противоположность, в какое-то своеобразное кокетство. В частности, в рассказе о белогвардейском стремлении вывернуть всего себя пантанку. Невольно вспоминаются при чтении таких мест слова Тургенев о «Войне и мире»: «Как все это мелко и хитро, и неужели не видеть, что это не искусство, а искусство, искусство — двадцатилетний опыт, о том, труе я или нет? Вся эта патология сражения?»

Можно также упрекнуть автора в том, что черты классовой солидарности, стойкости, революционной дисциплины недостаточно подчеркнуты им в отряде петроградцев. Вел в этом отряде нечеткий белогвардейский пролетариат, почти все —партия, добровольно и сознательно поешине защищать мотолузу республику от белогвардейщины.

«Товарищи петроградцы» — второе большое произведение Ипполитова. Первый его роман «Перекоп», пользующийся большой известностью у широкого читателя, имеет существенные изъяны: недостаточно четкое отношение к событиям, узость горизонта (автор описывает только то, что видел сам). В «Товарищах петроградцах» чувствуется стремление автора прорваться за пределы «Перекопа», выйти из узких, тесных рамок автобиографии, более глубоко вскрыть политический смысл описываемых событий, более четко вылить свое к ним отношение. И все же приходится второе произведение Ипполитова расценивать как отступление от «Перекопа». Те страницы, где Ипполитов дает общий исторический фон, обстановку на других фронтах и т. д., сделаны у него сухими газетным языком. Нежность к белогвардейцам, к чекам, к буржуазии, к меньшевикам выражена у него чрезвычайно резко, но как-то уж очень примитивно, упрощенно.

Вообще повесть написана крайне небрежно, неряшливо, она скорую рукопись. Есть выражения, повторяющиеся буквально на каждой странице («слабая», «паче», «сволочь» и т. д.). Переоценка падает на некоторые, плохо отретированные фразы, вроде такой: «Хотя

Ванда рассказывала, что он сам приехал к Вере, многие товарищи поверили, что он Вере нравился. Встречаются и явные несообразности, например: седьмого февраля (автор описывает восхождение какой-то горы). До отряда петроградцев долетает пенка царского гинна. Они отчетливо слышат отдельные слова. Через десяток страниц, читатель с удивлением узнает, что «до села пять верст!»

Ряд прекрасных, сильных мест в «Товарищах петроградцах» и в «Перекопе» говорит о том, что у Ипполитова есть талант и он может хорошо писать, когда не торопится, когда тщательно обдумывает тему, когда любовно и бережно относится к художественному слову. К сожалению, Ипполитов, подобно многим нашим молодым писателям, иногда идет по линии наименьшего сопротивления: торопливо, «богом», написал рукопись, сдал ее в ГИЛ — и дело с концом.

Н. СВИРИН.

Ванда рассказывала, что он сам приехал к Вере, многие товарищи поверили, что он Вере нравился.

Ванда рассказывала, что он сам приехал к Вере, многие товарищи поверили, что он Вере нравился. Встречаются и явные несообразности, например: седьмого февраля (автор описывает восхождение какой-то горы). До отряда петроградцев долетает пенка царского гинна. Они отчетливо слышат отдельные слова. Через десяток страниц, читатель с удивлением узнает, что «до села пять верст!»

Ряд прекрасных, сильных мест в «Товарищах петроградцах» и в «Перекопе» говорит о том, что у Ипполитова есть талант и он может хорошо писать, когда не торопится, когда тщательно обдумывает тему, когда любовно и бережно относится к художественному слову. К сожалению, Ипполитов, подобно многим нашим молодым писателям, иногда идет по линии наименьшего сопротивления: торопливо, «богом», написал рукопись, сдал ее в ГИЛ — и дело с концом.

Н. СВИРИН.

И. С. Станиславский на сцене Художественного театра

И. С. Станиславский на сцене Художественного театра

Ванда рассказывала, что он сам приехал к Вере, многие товарищи поверили, что он Вере нравился. Встречаются и явные несообразности, например: седьмого февраля (автор описывает восхождение какой-то горы). До отряда петроградцев долетает пенка царского гинна. Они отчетливо слышат отдельные слова. Через десяток страниц, читатель с удивлением узнает, что «до села пять верст!»

Ряд прекрасных, сильных мест в «Товарищах петроградцах» и в «Перекопе» говорит о том, что у Ипполитова есть талант и он может хорошо писать, когда не торопится, когда тщательно обдумывает тему, когда любовно и бережно относится к художественному слову. К сожалению, Ипполитов, подобно многим нашим молодым писателям, иногда идет по линии наименьшего сопротивления: торопливо, «богом», написал рукопись, сдал ее в ГИЛ — и дело с концом.

Н. СВИРИН.

И. С. Станиславский на сцене Художественного театра

И. С. Станиславский на сцене Художественного театра

Зел. Штейнман

„Поднятая Целина“

В «Поднятой целине» Шолохов взял тот период колхозного движения на Дону, который предшествовал появлению статьи т. Сталина о левых перегибах. Автор показал огромное влияние этой статьи на судьбы станичной коллективизации, изобразил последовательную борьбу в настроениях бедняцко-средняцкой массы, упорное сопротивление кулачества, роль и значение продветарей — двадцатилетних сыщиков и т. д.

Шолохов взял в сущности труднейшую тему. Труднейшую потому, что она успеха уже волею бесчисленных мастеров драматургии и беллетристики превратилась в заезженную олеографию с неизбежным трактором и красным флагом. «Художник-реалист, превосходно знающий быт и нравы донского казачества, Шолохов дал в своем романе подлинную бытовую свежести картину донской действительности. Подчас его роман носит даже хроникальный характер. Но эта хроникальность не нарушает художественного замысла романа. Это сделано с большим тактом и осторожностью.

С таким же тактом и осторожностью ввел в роман элемент «авантюризма». Шолохов помогает в этом его богатейший запас бытовых наблюдений, которые оживляют страницы романа и спасают их от абстрактной худолы.

Шолоховский Гремачий Лог — это маленький уголок Дона, где в минаторе отражены процессы, характерные для классовой борьбы в станичных условиях. После «Тихого Дона» «Поднятая целина» еще раз утверждает Шолохова как одного из крупнейших бытописателей казачества, умеющего не только «глядеть в прошлое», но и предвидеть будущее. Казачество «Поднятой целины» дано в движении. Коллективизация уже всерьез и навсегда изменяет лицо станицы. Это изменяющееся лицо донского казачества и отражено в романе.

«Вы, товарищ бывший офицер, на наших стариков не пошумите», — обращается один из казаков к Половцеву, сколачивающему «кулацкий актив», — вы на них так предостерегаете, наумились в старую время. Попановали, а хва-

тит, а зараз надо без грубиянства гутарить! Мы при советской власти стали непрерывные в таком обращении, понятно вам? И старик наш правильно гутарит, что был промек нас совет и порешили мы все через статью в газете «Правда» не восставать. Разошлись поврозь наши с вами стежки-дорожки».

— Это что же, казачки? Имеена? — спрашивает взбешенный Половцев. — Уж это как хотите, — отвечает Половцев другой старик, — как хотите прозывать, но нам с вами зараз не по дороге. Раз сам хозяин стал нас в защиту, то чего нам на сторону лезть... Мы не супротив советской власти, а супротив своих хуторских беспорядков, а вы нас хотели завернуть против советской власти. Нет, это нам не гоже!»

Шолохов отменно понимает, что еще не все элементы казачества могут быть причислены к числу сознательных строителей новой жизни. Шолохов полностью учитывает враждебные влияния и те группы казачества, которые находятся еще на политическом перепутье. Но сила и смысл шолоховского романа заключаются в том, что не замыкая социальных противоречий станицы, не упрощая сложнейших проблем переделки и перестройки казачества, Шолохов художественно показывает, что «стежки-дорожки» действительно разошлись, что основная масса казачества решительно рвет со старым, вступая уже на порог новой жизни.

В этом отношении «Поднятая целина» — убойнейший документ для парижских «мистителей» из общенародного союза и разнервотое доказательство кашей силы.

Но шолоховский роман — это не только документ политической перестройки казачества и тех огромных социально-экономических и психологических сдвигов, которые характеризуют эту перестройку. Шолоховский роман — большое и полноценное художественное произведение, хотя целый ряд моментов, нашедших свое место на страницах «Поднятой целины», может показаться на первый взгляд дискуссионным.

Помните ли вы «Землю Дождеко? Густая, пропахшая запахами весны и плодородия, мощными ароматами бытия. Советское искусство знает мало вещей, которые подобно дождевской картине так были бы насыщены этим изумительным ощущением жизни. Есть что-то общее между Шолоховым и Дождеко. «Поднятая целина» лишена какой бы то ни было абстрактности. Писатель совершенно плотски ощущает живое бытие мира. Этот мир полон для него замечательных красок, голосов, движений. Он любит его, как можно любить живое существо. Он видит его в буйном цветении трав, в постоянном шорохе и смене теней, в мощном и непрестанным круговороте вечной молодости. Для того чтобы почувствовать грустный, чуть внятный запах влинейной крови, который представляется писателю «многоцветным ароматом», для того, чтобы увидеть «крытый прозеленью» молодой месяц и в черной воде — «кладанец», ответственные миру звездам, для того чтобы найти слова, способные передать «могучий и древний дух земли» и «мигущее безмятежное сияние», ощутить и услышать «стрекс дождя» от мороза земли и шорох знобующей ветви — для этого мало обладать одной лишь наблюдательностью, подмечаящей то, мимо чего другие проходят, не замечая или не обращающ внимания.

Конечно, Шолохов наблюдателен. Он знает, например, что куропатки оставляют «лучшею россыпь следов» и что лучшая россыпь это «вышита крестиками». Заячь следы — колушенные крапинки. Волк оставляет на обледенелом насте искриющиеся царапины — жемчужный след. Замечательно описывая степную грозу, он рисует такую картину: «Под самым тучевой подшош, кренясь, лоя распростертыми крыльями воздушную струю, плыл на восток ворон. Бело вспыхнула молния, и ворон, уронив головой баритонистый клекот, вдруг стремительно нырнул вниз. На секунду — весь ослепший солнечным светом — он свиркнул, как охваченный полымем сияющей факел; слышно было, как сквозь оперение его крыла со свистом и бурелободным

гулом рвется воздух, но не долетев до земли сажет полтораэта, ворон круто выпрыгивал, замаха крыльями, и тотчас же с оглушительным сухим треском ударил гром».

Не всем дано это видеть. В том, что видит писатель, сказывается большая художественная зоркость. Но только ли зоркость? Нет, конечно! Надо любить это живое очарование земли и мира, надо пережить его теплую близость к себе, чтобы так увидеть его, как увидел Шолохов.

Шолохов и человека воспринимает сквозь пеструю, многоцветную гамму зрительных впечатлений. И так уж получается у него, что хохлики, лодыжи и по виду присутствующие на дурных людях — во виду дурными. Один глаз их чего стоит! Вот уж действительно зеркало души, эти глаза шолоховских героев.

Шолоховская женщина — под стать «низкорослым и могучим» мужчинам. Она «сладко потягивается, выгиная широкую, как конский круп, спину». Обнимает «с мужской силой». И даже «лощась она запягует по-мужски, упираясь ногой в ободь колеса, разом затягивая спусь». Красная, сильная, жизнерадостная самка, «гордая голова которой отягощена глянцевитым узлом черных волос!»

Она не стыдится своей красоты, эти женщины. «Зверино-сторжким и мужским взглядом» смотрит одна из них на возлюбленного. «Смотри, какая я красивая! — говорят не смущаясь глаза друг другу. Шолоховская женщина мало, редко и неохотно думает. — Философия ее проста и не сложна. — В работе я справная, а плясать и любовь крутить мне никто не закает. Эта откровенная физиология романа, с особой силой проявляющаяся в женских его образах, представляется нам чрезвычайно уязвимой для нападок критики. Уж больно торжествует в этих женщинах их «безудная плоть!» Уж больно «прост и светел» их мир, в котором они уравнины с дуками, землей и кобылой! Можно ли эту плетскую «примитивность» называть «простотой» в противовес «рефлексивности»?

Между тем и эти женщины, любящие собственную красотой, и эти мужчины «низкорослые и могучие, как степные выны», и эти запяжки, которыми полон живой мир писателя, и эти краски, которыми он так пестро расцветил, и эти маленькие «стрихи жизни», которые он так любовно подмечает — заячь следы, куропаткины крестики, озное жито, которое «словно на цыпочках поднимается встречать солнышко», козлята — первоначально, нежнейшие пахнущие молоком, — все это является тем живым фоном, той эмоциональной доминантой, все это сообщает роману тот его особый тон, который позволяет усматривать в нем черты большого художественного сродства с «Землею».

Мощный и разноголосый хор романов Шолохова, который «Весело и торжественно встречается рождение теленка. — Волнуется раздается вышелек раннего жаворонка. — Маняще кичит станица журавлей в небе. — Призывно чернеет освобожденная от себя зыбь. — Великая и плодотворная работа вершится в степи: буйно растут травы, поднимаются птицы и звери... И даже когда «тишина стоит в полуденные часы над землею», тишина эта «великая и благостная». Конечно, наша литература должна возмещать радость, а не уныние! Конечно, достойны похвалы тот художник, который в состоянии это сделать! Конечно, сколько бы ни были шолоховские женщины физиологичны — в своем здоромии и сильном оптимизме, они куда привлекательнее «загадочных» западноевропейских героинь. Но с другой стороны, читаешь Шолохова и невольно вспоминаешь Гамсуна, Толстого («Казак»)...

Как выйти из этого противоречия? То радостное ощущение жизни, которое так выгодно отличает шолоховский роман и сообщает ему его особенное настроение, еще не решает идейной судьбы романа. Физиология и колхоз! Социализм и запах! Плоть и политика — не так ли?

Шолоховский роман — социальный роман. Задача Шолохова, стало быть, заключается в том, чтобы, говоря о «власти земли», объяснить эту «власть земли», исходя не из априорного положения, что человек — «дети природы», испытывающее на себе ее непреодолимое влияние. Задача заключается в том, чтобы объяснить эту «власть земли», исходя из тех типичных об-

стоятельств жизни человека, в которых он вырос, воспитался и которые определили его «смысловую» любовь к земле-матери. Мысль, конечно, простая и общезвестная. Между тем ее очень трудно перевести на язык художественных образов, хотя в этом и заключается основная задача писателя!

Что общего между «Поднятой целиной» и «Землею»? Ни Шолохов, ни Дождеко не умаляют «закон земли» в жизни человеческой. И не только не умаляют, но, напротив, умеют его превосходно показать. Можно усмотреть, повторю, черты большого художественного сродства этих двух мастеров, даже в стилистических есть что-то друг другу близкое.

И все-таки есть между ними различия. Разница эта заключается в том, что Дождеко за своими подсолнухами проглядывает подчас социального человека или сводит его к тем же подсолнухам, ставя между их ощущениями живого бытия знак равенства. Шолохов же, при всей своей близости к Дождеко, пытается все же объяснить субъективные ощущения своих героев, исходя из их социальной подоплеки.

Шолоховский роман — социальный роман. И когда писатель говорит о могущественном влиянии земли на человека, он подчеркивает, что влияние это по-разному может быть объяснено. Наглыйон любит землю. Он испытывает «сменяющую жалость, оглаивая черные, страшные в своей нагоде, необработанные пашни». Давыдов тоже любит землю. Он видит: «разделанные, но пугающие мертвой чернотой пашни, испытывая горькое чувство жалости к миллионам похороненных в земле зерен». Островной тоже любит землю. Стоя перед «высоким прогнившим дубом», он воронит «сырым крошоточку древесным соком щепу» и «больно ощущает непомятую тоску и тревогу» — ему жалко векового дерева.

Есть, таким образом, что-то общее между этими тремя людьми в их непосредственном отношении к природе: все трое испытывают к ней чувство «щемяющей, горючей, тревожной, «токсической» любви и жалости. Но Давыдов жалует землю потому, что она не может возрастить колхозной пшеницы. Наглыйон жалует землю потому, что люди оставляют ее «необсеменной», ослепленные «свавшим

на дыбки» чувством собственности. Островной жалует землю потому, что «не все же колхозу на пропастицу». Правда, шолоховский человек не всегда может объяснить себе, что это именно так,

СОЗДАН историко-литературный музей Украины

Почему один критик посылает мне...

Критик от — П. Терской (журнал «ЛОКА»...

Статья носит удивительно название: «Чужой огонь»...

В своей книге И. Гольдберг, — это чужой огонь...

Что же дал И. Терскому основание так обрушиться на мое издание...

Основанием для этого критики послужило собственное «переложение»...

В моей книге имеется рассказ «Буря». Я вывел стилистическую фигуру...

В другом рассказе — «Путь, не отмеченный на карте» — в описании...

Писатель, говорит, всегда бродит по картине. Особенно, если его увлекает...

Взгляните в дом по Терской, 37. Здесь в помещении Еврейского клуба...

Сейчас положение студии-театра Симонина в Урожайном переулке...

Конкретно — студия-театр просит предоставить ей помещение театра б. «Мозаика»...

Мне кажется, что пора прекратилась эта безобразная бюрократическая история...

В итоге студия-театр Симонина продолжает свой кочевой образ жизни...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

шурша, в которые сбрасывают с себя последние остатки «рыцарства»...

Если перечислить все обвинения, которые предъявляет мне И. Терской...

Меня мучит один вопрос: рассказы, помещенные в книге «Таба и огни»...

После того, как я прочитал статью И. Терской, мучает меня, и я задаю его редактору...

Впрочем, прелюдия к статье, написанная И. Терской критическую статью о моей книге...

Писатель, говорит, всегда бродит по картине. Особенно, если его увлекает...

Взгляните в дом по Терской, 37. Здесь в помещении Еврейского клуба...

Сейчас положение студии-театра Симонина в Урожайном переулке...

Конкретно — студия-театр просит предоставить ей помещение театра б. «Мозаика»...

Мне кажется, что пора прекратилась эта безобразная бюрократическая история...

В итоге студия-театр Симонина продолжает свой кочевой образ жизни...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Под самый конец первой пилателки Украины вышло в свет издание «Музей»...

У руковоителей литературно-научно-исследовательского института им. Тараса Шевченко (Харьков)...

Работа над осуществлением этой мысли, украинские писатели переиздали в ее рамках...

То, что мы имели до сих пор, представляло собой музей, в котором мы могли любоваться...

И я думаю, что эти вопросы могут быть небезинтересными не только для меня одного...

Писатель, говорит, всегда бродит по картине. Особенно, если его увлекает...

Взгляните в дом по Терской, 37. Здесь в помещении Еврейского клуба...

Сейчас положение студии-театра Симонина в Урожайном переулке...

Конкретно — студия-театр просит предоставить ей помещение театра б. «Мозаика»...

Мне кажется, что пора прекратилась эта безобразная бюрократическая история...

В итоге студия-театр Симонина продолжает свой кочевой образ жизни...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

собрано свыше 3.000 экспонатов. Весь музей размещен так, что каждый посетитель...

Общий интерес представляет зал национальных литератур УССР. Войдя в него, мы немедленно вопрошаем...

Как вышло. Над созданием музея украинские товарищи поработали немало. Они не только показали историю общественности...

Работа над осуществлением этой мысли, украинские писатели переиздали в ее рамках...

То, что мы имели до сих пор, представляло собой музей, в котором мы могли любоваться...

И я думаю, что эти вопросы могут быть небезинтересными не только для меня одного...

Писатель, говорит, всегда бродит по картине. Особенно, если его увлекает...

Взгляните в дом по Терской, 37. Здесь в помещении Еврейского клуба...

Сейчас положение студии-театра Симонина в Урожайном переулке...

Конкретно — студия-театр просит предоставить ей помещение театра б. «Мозаика»...

Мне кажется, что пора прекратилась эта безобразная бюрократическая история...

В итоге студия-театр Симонина продолжает свой кочевой образ жизни...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

пролетарская литература на Украине имеет свое начало от их органа «Борьба»...

Общий интерес представляет зал национальных литератур УССР. Войдя в него, мы немедленно вопрошаем...

Как вышло. Над созданием музея украинские товарищи поработали немало. Они не только показали историю общественности...

Работа над осуществлением этой мысли, украинские писатели переиздали в ее рамках...

То, что мы имели до сих пор, представляло собой музей, в котором мы могли любоваться...

И я думаю, что эти вопросы могут быть небезинтересными не только для меня одного...

Писатель, говорит, всегда бродит по картине. Особенно, если его увлекает...

Взгляните в дом по Терской, 37. Здесь в помещении Еврейского клуба...

Сейчас положение студии-театра Симонина в Урожайном переулке...

Конкретно — студия-театр просит предоставить ей помещение театра б. «Мозаика»...

Мне кажется, что пора прекратилась эта безобразная бюрократическая история...

В итоге студия-театр Симонина продолжает свой кочевой образ жизни...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

Вот что по поводу этого помещения пишет в своей статье...

17 января, в 17 ч. в помещении редакции «Пролетар» (Настаскинский пер. т. 1) состоится производственное совещание рабочих-очерковцев. Повестка дня: доклад т. Ставского об очерке.

19 января, в 19 ч. там же — лекция-диспут, посвященный творчеству т. Тарасевича. Докладчик т. Павленко.

17 января, в 19 ч. 30 м. в оргкомитете ССП (ул. Воронького, 50) состоится юбилейный вечер, посвященный 70-летию вечер поэта А. Прокофьева (Ленинград).

КОНКУРС НА МАССОВУЮ ОБОРОННУЮ КНИГУ. ЦС Осоавиахима СССР и Военгиз объявляют конкурс на массовую оборонную книгу...

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» (б. «Федерация»). ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ и рассылается подписчикам № 12 журнала «ЛОКАФ».

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА: Н. Гарич — Ветеран боевой жизни — Капитанский роман, роман (юношеский цикл). С. Олендер — Дюпонт, т. 1. М. Москвитин — Миссис Миссис (роман 1-й части). Гейдлер, майор — Воздушная война 1936 года (окопная война). Н. Борова — Капитан воздуха, очерк.

Г. С. Э. И. КНИГОТОРГОВОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ. ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ 6-й ТОМ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ (ЛА БАРТ—МАРКС).

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЫХОДИТ В СВЕТ № 3 (5) ЕЖЕДЕКАДИКА ЗА РУБЕЖОМ. Номер содержит ряд новых литературных и графических материалов, посвященных годовщине смерти Л. Буна и 9 января 1905 года.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ ТРЕТИЙ СБОРНИК «ИСТОРИЯ ЗАВОДОВ». В сборнике: Первые главы из книг по истории отдельных заводов. Обзоры и оценка рукописей, представленных в редакцию.

РЕДАКЦИЯ «ИСТОРИЯ ЗАВОДОВ». Следующий номер «ЛИТАЗЕТЬ» выйдет 26 января. В ДАЛЬНЕЙШЕМ «Л. Г.» БУДЕТ ВЫХОДИТЬ КАК ОБЫЧНО.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена, 3 этаж. Ответственный редактор С. ДИНАМОВ. ИЗДАТЕЛЬ: Жу. и льно-газетное объединение.

из иностранной поэзии

Андрэ Сюарес

Солдаты

СТИХОВЕРЕНИЕ В ПРОЗЕ

Генералы, императоры, предводители народов, предводители войн, среди нас больше нет никого, кто бы не был тенью согрет мертвецов.

Трупы — мы, ненавидим мы вас! Что сделали вы с нами и с нашими братьями, с нашими сыновьями и с нашими отцами? Вот мертвец — полный воз, червей кишенье.

Вздох железных дорог вы ударили овощи нашу падалью, и от наших червей земля изменилась в своем цвете.

Вздох железных дорог вы ударили овощи нашу падалью, и от наших червей земля изменилась в своем цвете.

Вздох железных дорог вы ударили овощи нашу падалью, и от наших червей земля изменилась в своем цвете.

Вздох железных дорог вы ударили овощи нашу падалью, и от наших червей земля изменилась в своем цвете.

Вздох железных дорог вы ударили овощи нашу падалью, и от наших червей земля изменилась в своем цвете.

Вздох железных дорог вы ударили овощи нашу падалью, и от наших червей земля изменилась в своем цвете.

Вздох железных дорог вы ударили овощи нашу падалью, и от наших червей земля изменилась в своем цвете.

Вздох железных дорог вы ударили овощи нашу падалью, и от наших червей земля изменилась в своем цвете.

Вздох железных дорог вы ударили овощи нашу падалью, и от наших червей земля изменилась в своем цвете.

ДИСПУТ О «МЕРТВЫХ ДУШАХ»

Продолжение диспута о «Мертвых душах» и прения по докладу А. Белого...

В. И. СУК

Скончался В. И. Сук, главный дирижер Государственного Большого театра и народный артист Республики.

Скончался В. И. Сук, главный дирижер Государственного Большого театра и народный артист Республики.

Скончался В. И. Сук, главный дирижер Государственного Большого театра и народный артист Республики.

Скончался В. И. Сук, главный дирижер Государственного Большого театра и народный артист Республики.

Скончался В. И. Сук, главный дирижер Государственного Большого театра и народный артист Республики.

Скончался В. И. Сук, главный дирижер Государственного Большого театра и народный артист Республики.

Скончался В. И. Сук, главный дирижер Государственного Большого театра и народный артист Республики.

Скончался В. И. Сук, главный дирижер Государственного Большого театра и народный артист Республики.

Скончался В. И. Сук, главный дирижер Государственного Большого театра и народный артист Республики.